

дал др.-инд. род. ед. (к *uivan-*) *uīnaḥ* и *jūti* 'девушка', авест. род. е. *uīnō* (там же). При возведении к этой индоевропейской форме второй вариант праславянского названия инея должен реконструироваться как *jīnъьь.

Примечания

- ¹ Pedersen H. // Materiały i Prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie. I, 2, 171.
- ² Ibidem.
- ³ Трубачев О.Н. // О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968, 378.
- ⁴ Картотека Словаря говоров Русского Севера (Уральский Государственный университет. Кафедра русского языка и общего языкознания). Предоставлением мне материалов Картотеки по разделу 'иней' (выборка осуществлена аспиранткой И.Н. Суспицной) я обязана проф. Е.Л. Березович, за что и приношу свою искреннюю благодарность.
- ⁵ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, 225.
- ⁶ Здесь и далее при отсутствии особых ссылок на источники, используются материалы Картотеки Словаря говоров Русского Севера (см. прим. 4).
- ⁷ Аникин А.Е. Указ. соч. 341.
- ⁸ Существенность признака пышности для инея позволяет предполагать, что преобразование праслав. *jъьььь в н.-луж. *wiłowizna* (стар. *wiwowizna*) (см. выше) объясняется не столько фонетическими процессами, сколько народно-этимологическим сближением с н.-луж. *wił* 'спутанные волосы, колтун'.
- ⁹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. Т. 2. М., 1999, 413–414.

Т.В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЯ “ИЗ-ЗА ЧЕГО СЫР-БОР ЗАГОРЕЛСЯ?”

В современной этимологической лексикологии все большее внимание обращается на устаревшие словосочетания (фразеологизмы), поскольку специфические условия длительного консервативного употребления лексем способствуют сохранению архаических не только форм их, но и значений. Представляется, что одним из объектов этимологического внимания должно стать выражение *сыр-бор загорелся*, употребляющееся в литературном языке только в переносном значении и, возможно, реализующее весьма архаичные смыслы составляющих его лексем.

Выражение *сыр-бор загорелся* в значении 'о большом шуме (из пустого)' встречаем уже у Михельсона, он приводит, в частности, следую-

щий контекст: “За что, про что *сыр-бор горит?*” “За девку, в руках была, да отняли из рук” (Островский. Воевода). Ср. и вариант (там же) “*От искры сыр-бор загорелся*” (говорится о крупной разладице из-за пустяков)¹.

Выражение известно уже в XVIII веке: в Словаре русского языка XVIII в. встречаем выражение *сыр бор* с пометой фольк. и вариантом: “От малой искры *сыр бор* загорается” (Брвсв Посл. 173); “Опять в ручей Дуна взглянула, Зефир поколебал *сыр бор*” (Муза III, 198) (СлРЯ XVIII в. 2, 109).

Выражение *откуда (из-за чего) сыр-бор загорелся (горит)* в значении ‘по какой причине, почему началось что-либо, происходит что-либо’ находим во фразеологическом словаре русского языка², а также в Лингвострановедческом словаре В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко со следующими комментариями: «В русском фольклоре *сыр-бор* – сырой сосновый лес – лес, растущих на сырых болотистых местах – встречается весьма часто...

Ах, пошли девки во сыры боры,
Во сыры боры, во темны лесы.
Ах, по калину и по малину
И по черную смородину.

Это сочетание вошло в состав некоторых пословиц, объясняющих смысл всего выражения: *от искры сыр-бор загорелся; загорелся сыр-бор из-за сосенки*. Переносный смысл их понятен: большая беда может возникнуть из-за незначительной причины, из-за пустяков. Постепенно ассоциация с лесными пожарами утратилась и осколок последней стал употребляться в различных вариантах: *затевать сыр-бор, занялся сыр-бор* и даже *заварился сыр-бор* (ср. *заварилась каша*). Нередко употребляется в форме вопроса “*Из-за чего сыр-бор загорелся?*”». Здесь же приводится следующий контекст: “Одна из наших девушек увидела часы в его руках и немедленно донесла об этом тетке. *Сыр-бор и загорелся*” (Тургенев. Часы). “Что у Вас произошло? – Ничего особенного. Весь *сыр-бор загорелся* из-за чистейшего пустяка” (А. Чехов. Именины). “Да из-за чего же весь этот *сыр-бор загорелся?* Пальба-то эта? – Евгения любила все называть своими именами. – Да из-за Ваньки Лысого” (Ф. Абрамов. Деревянные кони)³.

В современных литературных контекстах находим свернутое выражение *сыр-бор* в значении ‘скандал, шум’: “Кто знает, чем бы закончился этот *сыр-бор*, как завершилась бы эта история”⁴.

В белорусском языке также есть выражение *сыр-бор разгарэўся*, которое значит, возможно: ‘поднялся шум, переполох, началось какое-либо дело’ и, по мнению автора этимологического словаря фразеологизмов Лепешева, восходит к пословице *ад іскры сыр-бор загарэўся*⁵.

В последнее время была опубликована статья Н.И. Толстого “Дополнительные суждения о реконструкции праславянской фразеологии”,

где он рассматривает выражения *сыр-бор* и *сыр-бор горит, загорается*. Относительно выражения *сыр-бор* автор высказывает мысль о расширении географии этого идиома – он присутствует не только на русской территории, но и на юго-востоке Сербии и северо-востоке Македонии в святочном ритуале ряженных (у сербов, болгар и македонцев они называются *сировари, сурвакари, сурваскари*, т.к. у каждого ряженного в этот день свежая, “сырая” палка). В этом святочном обряде (в сербском крае Буяновац) “жених (младожења) и сноха – молодка (снашка или баба) имитируют супружеское сношение, оплодотворение. А в это время один из “сироваров”, тот, кто обладает самым зычным голосом, кричит – “благословляет” (бласиља): «Честита вам Нова Година, са здрављу, сас паре, с’ дечиња, с’ белиња!... (Поздравляем вас с Новым годом, со здоровьем, с деньгами, с ягнятами...) и т.п. В конце своего “благословения” он кричит: “Сирово!” (Сырое), а все остальные ему хором отвечают “Борово!” (Боровое, сосновое!)»⁶. Далее он пишет, что “обращение к концепту ‘сырой’, ‘живой’ присутствует в новогоднем обряде, насыщенном магией плодородия, призванном пробудить и укрепить жизненные силы природы и земли”⁷.

Н.И. Толстой описывает в статье и обряд, бытующий у словенцев под названием *borovo gostüvanje* – ‘свадьба сосны’, о чем см. ниже в нашей статье.

Толстой также считает, неясной связь русского “устойчивого атрибутивно-субстантивного сочетания *сыр-бор* с глаголами *загорелся, разгорелся, горит*, предполагая однако, что мотивировка была бы простой, если бы *бор-сосну* сжигали, как сжигают южные славяне бадняк, которого, к сожалению, нет у русских. Он не исключает также и связь с подсечным земледелием, а также с пожаром, либо с обычным сжиганием дров и деревьев. Им приводится также сербское идиоматическое выражение “кад се стари пањ запали” (когда загорится старый пень) – о “силе страсти или темперамента пожилого человека”. Он также предполагает, что древнейшей формой фразеологизма было только словосочетание *сыр-бор*. Тем не менее, Толстой признает, что “смысловая этимология” или мотивация русского *сыр-бор загорелся* остается нераскрытой и сам поднятый вопрос не решен до конца” и призывает коллег к его конечному решению⁸.

С целью дальнейшего исследования происхождения русского выражения *сыр-бор горит* обратимся к случаям его употребления в фольклоре, где оно встречается наряду с выражением *сыр-бор*. Так, например, в записанном Барсовым причитании – плаче о старосте (“вопит старостиха”) описывается приезд посредника на крестьянский скоп:

Тут на скоп да все крестьяне собираются,
 При кручинушке идут да при великой;
 Тут посреднику в глаза да поклоняются,
 Позаочь его бранят да проклинают;
 Возгорчится как судья ведь страховитая,

В темном лесе будто бор да разгоряется,
 Во все стороны быв пламень как кидается,
 Быдто Свирь река. посредничек свирепой.
 Быдто Ладожско великое. сердитое...

(Барсов I, 284)

Выражение *сырой бор горит* находим также в народной исторической песне: “Из Уралечко пышет пламечко”:

Из Уралечко, да из Уралечко
 Пышет пламечко, да пышет пламечко,
 Сырой бор горит, да сырой бор горит,
 Разгоряется, да разгоряется.
 Что мой миленький, да что мой миленький,
 Разнемогается, да разнемогается.
 Он в постелюшке, да он в постелюшке,
 Он валяется, да он валяется,
 Ой, болит, болит, да ой болит, болит
 Буйна голова, да буйна голова.
 Что болит, болит, да что болит, болит
 Она с думушки, да она с думушки.
 Как попасть ему, да как попасть ему
 В рать казачию. в рать казачию⁹.

Вот также отрывок из свадебной песни Сибири:

Что горит-то, перегорит?
 Сыр-то бор с ельничком, со березничком,
 Со частым мелким осинничком!
 Бежит, спешит любимый сын ко батюшке,
 Ко родимой своей матушке.
 Бежит, спешит, торопится-бежит!
 Ты встречай, родимый батюшка
 Со родимой своей матушкой!
 Уж привез тебе заменушку,
 А тебе, батюшка, на посылочку!
 Уж привез я себе молоду жену на забавочку...¹⁰

В этих трех отрывках прослеживается параллелизм – горение сырого бора – гневные эмоции, болезненное состояние, любовное стремление мужчины. Можно думать, что первоначально в русском языке *сыр-бор* – ‘сочная, цветущая сосна’, такое же мужское дерево, как и *сырой дуб*. Обратимся к семантике слова *бор* в русском языке. В основном это ‘сосновый лес’, однако, в древнерусском – это ‘дерево, кедр, сосна’ (Изборник Святослава 1073 г.): “...да рыдаѣтъ бо рече соснь имьже паде *бъръ*... *кже* гла Соломонъ о дрѣвесѣхъ от *бърю* до усopa” (Востоков I, 33). Значение ‘сосна’ у древнерусского *боръ* фиксируется и в 15–16 вв.: “И слава дубравы к тебѣ придетъ кипарисъмь и *боръмь* и смрѣчьмь въкупъ” (πεύκη). (Ис. LX, 13) Библия. Генн. 1499; “Съблудиша от Бога сво-

его; верхомъ горнымъ и требу кладѣаху, и холмомъ требы полагааху под дубомъ, и подъ *боромъ* и под дубомъ вѣтвеномъ”. ВМЧ, Окт. 4–18. 1067. XVI в. (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 290).

Также и у некоторых славянских продолжений праслав. *borъ наличествуют значения ‘сосна, кедр’ (ЭССЯ 1, 216). Так, сербохорватское *bôr, bôra* значит ‘сосна, pinus’, причем, это мужское дерево: жена называет мужа “*horom*”: *Druže moj, mižu moj, rano moja, srce moje, veliko dobro moje, boru moj!* (в народных песнях – РЈА II, 548); ср. также: “*Dva su bora na poreda rasla, među nima tankovita jela; to ne bila dva bora zelena, ni među nima tankovita jela, već to bila dva brata rođena, jedno Pavle a drugo Radule. među nima sestrica Jelica*” (Там же).

На славянском Севере слово *borъ было вытеснено словом *sosna, возникшим в связи с бортничеством; *borъ стало употребляться на этих территориях в знач. ‘сосновый лес’ (ЭССЯ 1, 217).

В русских песнях и причитаниях о рекрутах и солдатах находим сопоставление парня, которого отдают в солдаты, с сосной в бору:

Уж вы, ветры мои, ветерочки!
Вы не дуйте, ветры на лесочки.
Не шатайте, ветры, в бору сосну!
И так сосенке стоять тошно:
Не водою сосенку подмывает, –
Горностайка к соседке подбегает,
Злы кореньяца подъедает.
Посередь-то сосенки пчелы вьются,
Пчелы вьются, пчелушки не завьются.
Как у Ванюшки кудри вьются, не завьются...¹¹

В русской и, шире, восточнославянской фольклорной традиции с мужчиной отождествляется также *сырой дуб*, в частности, в русских былинах, в песнях. Так, например, в песне, записанной на Псковщине “милый друг” отождествляется с “сырым дубком”: “Мы, дѣвушки, фсе панабрались, онная Анна ни набралась, за *сырым дупком*, за милым другом Ивана застаялась” (Псков. словарь 10, 33).

Сырой дуб, также, как и *сыр-бор* “разгорается”, например, в песнях русских Поволжья, которые пелись на Семика, когда завивали венки. Вот отрывок одной из них:

Не сырой ли дубик разгорается,
Ой лелю, лелю, да разгорается!
Моему дружочку не могається,
Ой лелю, лелю, да не могається!
Не могається дружку Иванушку,
Ой лелю, лелю, дружку Иванушку!
Я пойду, схожу к дружку Иванушку,
Ой лелю, лелю, к дружку Иванушку!
Я спрошу его да про здоровьице...¹²

Здесь мы также, как и в случае с горением *сырого бора*, наблюдаем параллелизм – возгорание дуба и болезненное состояние парня, друга, возлюбленного.

Следует также отметить, что, как известно, в семикских и троицких обрядах главное дерево – береза, однако, в некоторых случаях фигурирует и дуб; это, в частности, нашло свое отражение в фольклоре, например, в песне, поющей на Троицу:

Пойду я лужком
 Пешком, бережком.
 Сломлю ли я
 С сыра дуба веточку.
 Кину ли я, брошу ли я
 В Дунай-реку быстрюю.
 Не тонет, не плывет
 С сыра дуба веточка –
 Не тужит, не плачет
 По мне свекор-батюшка.
 Потонет, поплывет
 С сыра дуба веточка –
 Потужит, поплачет
 С-по мне родимый тятенька¹³.

Интересно, что о зажигании *сырого дуба* – как о грозящей смертельной опасности поется в “Плаче Ксении” (дочери Бориса Годунова):

Сплáчется мала птичка,
 бéлая пелепёлка:
 “Ох-ти мнé, молодý, горевáти!
 Хотят сы́рой дуб зажигати,
 Моё гнёздышко разорýти,
 Мои мáлыи дéти побýти,
 Меня пелепёлку поимáти”.

(“По всей вероятности, песня-плач возникла в 1605 г., в период с 13 апреля (день смерти Бориса Годунова) по 20 июня (день вступления в Москву Лжедмитрия I). Она передает моральное состояние родственников Годунова и тревогу общественных кругов за судьбу государства перед вступлением Лжедмитрия I в Москву”)¹⁴.

Игра в горелки в украинском языке называется *горю́-дуб* (Гринченко I, 452). Горит не только дуб, но и пень (см. приведенное выше предположение Толстого Н.И. о семантической связи выражения *сыр-бор горит* с сербским идиоматическим выражением “*кад се стари пањ запали*”) в игре в горелки. Вот, что пишет А.А. Афанасьев об игре в горелки: “Горелки начинаются с наступлением весны, с Светлой недели... Очевидно, игре этой принадлежит глубокая древность. Холостые парни и девицы устанавливаются парами в длинный ряд, а один из молодцов, которому по жребию достается *гореть*, становится впереди всех и про-

износит: “Горю, горю пень!” – Чего ты горишь? – Спрашивает девичий голос. – Красной девицы хочу – Какой? – Тебя молодой. При этих словах одна пара разбегается в разные стороны, стараясь снова сойтись друг с дружкой и схватиться руками; а который горел – тот бросается ловить себе подругу. Если ему удастся поймать девушку прежде, чем она сойдется с своей парюю, то они становятся в ряд, а оставшийся одиноким заступает на его место; если же не удастся поймать, то он продолжает гоняться за другими парами, которые после тех же вопросов и ответов, бегают по очереди. Погоня за девицами, ловля, захват их, укалывает на старинные умычки жен; юноша, волнуемый страстными желаниями, добивающийся невесты, уподобляется горящему пню, а самая игра в разных областных наречиях слывет: *огарыши, огорельши, опрел* (от *преть*), малорус. *гори-дуб и гори-пень*”¹⁵. Ср. у В. Хлебникова в стихотворении “Русь зелёная в месяце Ай!”:

Эй, гор-горю пень!
Хочу девку – исповедь пня¹⁶.

А вот игра молодежи, записанная в брянских говорах: «Становяцца в къравот рядышкѣм па двое, адин напириди другова. Паринь гъварить: “Гарю, пылаю, в агню страдаю, каво люблю – таво паймаю. Усе рѣзбираюцца, ён ловить ту деуку, што ему нравицца”» (Брянск. словарь 4, 42).

Вообще, в русском языке (как литературном, так и в говорах) глагол *гореть* имеет и значение ‘быть охваченным каким-либо сильным чувством, в частности, любовью’. В новгородских говорах записана поговорка (s.v. *гáркий* ‘такой, который хорошо горит): “Осиновы-то дрова худые, не *гаркие*; потому и говорят: худая любовь хуже осиновых дров” (Новг. словарь II, 8). Ср. блр. диал. *грэ́цца* в значении ‘спариваться’: “Ганье сабак, як сука *грэецца*” (Слоўн. паўночн.-заход. Баларусі 1, 494), словин. *pali się* ‘проявляет сексуальное беспокойство (о кобыле)’ (AJK IV, cz. II, 140), *cepli brat* – ‘мужчина со склонностью к гомосексуализму’ (Sychta VII, 34). Возможно, того же семантического плана употребление русск. диал. *прита́янье* ‘взаимные ласки (про молодых)’: “Тут у них пойдут *притаянья* и приласканья” (СРНГ 32, 11), ср. краснодар., перм. *оттаивать* ‘после свадьбы угощать водкой родню жениха или невесты у входа в дом’: «Новую родню встречают у крыльца и тут же на сундуке угощают водкой, “оттаивают” их» (СРНГ 24, 333). Может быть, выражение *сыр-бор горит* входило изначально в состав свадебной терминологии, где широко представлена лексика семантического поля “горение”.

Из русских этнографических источников хорошо известно, что при сватовстве сваха грела руки у печки: “На Руси сваха, приходя с брачным предложением к родителям невесты, подступает к печи, и в какое бы время года это ни случилось – греет свои руки, чтобы задуманное пошло на лад, и затем уже начинает самое сватовство”¹⁷. Ср.

перм., свердл. *прокълить* в ‘свадебном обряде – просватать’ (СРНГ 32, 152).

Сваха, выполняющая обряд согревания постели новобрачных, в пермских, донских говорах носит название *нагрéвшаяся сваха* (СРНГ 19, 213), а также *горячая* (СРНГ 7, 87). *Обогреть постель молодых* – в пензенских говорах значит: “В свадебном обряде – лежать некоторое время в постели, приготовленной для молодых. Обычно это делает супружеская пара, известная своей согласной жизнью” (СРНГ 22, 152); *обогрeвáть молодых* в калужских говорах значит: “В свадебном обряде: посадив молодых за стол, угощать вином и закуской” (Там же).

Л.Н. Чижикова пишет о том, что в с. Муром после “посада”, когда молодых выводили из-за стола, на “горячее место” сажали мужа с женой, они выпивали вино и троекратно целовались¹⁸.

Интересен также приведенный в Новгородском словаре s.v. *княжий стол* ‘ритуальное угощение на свадьбе’ следующий контекст: “Все свадебники за стол садятся, как соберутся, угощаются не так хорошим. А потом все свадебники на конях едут кататься. Ковда все приедут, собирают хороший стол – княжий стол. Княжий стол, все закуски подают, а одну нет, верещагу с яиц. Женщины на трех тарелках несут её к столу и кричат: “Руки горят, руки горят!” Им невеста дарит на сборник” (Новг. словарь 10, 159).

Когда ехала невеста, парни сжигали кудель. Это ритуальное сжигание кудели в русских говорах Карелии называется *кудeлeньe сжигать*: “Кудeлeньe сжигáли парни, когда невеста еде” (Словарь Карелии 3, 49).

В псковских говорах записано выражение *сжeчь волю*. – В свадебном обряде: жгут костер, солому, символически сжигая “волю” девушки (Псков. словарь 4, 141). В новгородских говорах обряд *огóнь жечь* значит ‘прощаться с девичеством’: “Жечь огонь – невеста в это время плачет, родители плачут и девушки, которые поют и жгут солому, жгут огонь, т.е. волю и поют эту песню” (Новг. словарь 6, 129).

Существовал также свадебный обряд, в котором тушили водой зажженные платки, облитые водкой, он назывался в донских говорах *заливáть пожáр*: “Ражжыгають кастер и прядають – ета заливáють пажáр” (Донск. словарь II, 7–8).

В русских говорах Карелии записано выражение *костры́ жечь* ‘жечь солому по возвращении жениха и невесты после венчания’: “Котели жгут, *костры́ жгут*, кошели жгут из соломы, кулики из соломы, они горят” (Словарь Карелии 2, 441). В тех же говорах записано выражение *костёр переступить* – в свадебном обряде: Жених и невеста должны переступить костер после венчания... “чтобы колдовство не пристало” (Там же). На той же территории зафиксировано слово *мая́к* – ‘в свадебном обряде: факел, обычно зажженный сноп соломы’: “*Маякí* – соломы сноп поставлен на коли и горит, это когда повенчают, *маякí* жгут. Переже свадебного поезда ехала телега, а там бочка со смолой, она горит, это *маяк* назывался. По дороге *маякí* жгли и соло-

му, бересту, с ружий стреляли, флаги вывешивали, а жених платил за это” (Там же 3, 208).

В Краснодарском крае существовал также свадебный обряд, при котором поезд с новобрачными останавливали на дороге, говоря, что горят колеса, чтобы участники свадьбы веселились и танцевали на дороге, пока отдыхают кони, он назывался “колёса горят” (СРНГ 14, 129).

Записанное на Орловщине выражение *овін сгорѣл* означает “призыв пойти в дом родителей невесты для угощенья на второй день свадьбы: окончилось время девичества (о новобрачной)” (Орловск. словарь 8, 68). Там же разжигали небольшой костер на дороге, по которой поедут молодожены из церкви, чтобы узнать, как сложится их семейная жизнь; этот обряд назывался *овін тушитъ*. “Если лошгъть пирискочит чирис кастѣр ни испугавшысь, то молодые будут жыть щаслива” (Там же, 68–69).

Гулянье в последний день свадьбы в донских говорах называется *овін залива́ть*: “Малых атводють в – церкав, а старыи астаюцца и авин заливають – вотку пють ис – тарелки лошками” (Донск. словарь 2, 8).

Таким образом, обряды, связанные с возжиганием огня, с горением, играют большую роль в свадебном действе, куда, возможно, относится и выражение *сыр-бор загорелся*. Сюда можно добавить тот факт, что в русском песенном фольклоре может гореть не только *сыр-дуб*, *сыр-бор*, но и сад, и кулига...

Я расею лебеду по переду,
Сама пойду с офицером по воду.
Нету ли, нету ни дрягина (драгун), ни коня!
Загорелся зелен садик без меня

(мезен. – СРНГ 8, 227);

Ср. еще фрагмент песни: “Кулига горит, кулига горит, без перепелей, без коростыля” (Алтайск. словарь 2, ч. 2, 78).

Примечательно употребление в свадебном причитании невесты “столба новоточенного”, который тоже горит: (невесте приснился сон)

Выходила красна девица
Во широко во чистѣ поле.
Среди да поля чистого
Стоит горүшенька высокая,
На горе лежит зверь со звериною,
Змея лежит да со змеятами.
Среди горы высокие
Стоит столб да новоточенный,
Он горит да разгорается,
Кругом искрами обсыпается.
Вы скажите, вы подруженьки,
Уж к чему да сон привиделся?
Да и сама знаю, сама ведаю,
Что не гора стоит высокая, –

Тут чужая дальна сторона,
 Злодейка незнакомая.
 Лежит не зверь да со звериною, –
 Лихой свекор со свекровкой;
 Лежат не змеи со змеятами, –
 Тут деверья со золовками;
 Стоит не столб да новоточенный, –
 Тут гроза стоит молодецкая,
 Не горит, не разгорается,
 До поры да похваляется¹⁹.

Ср. упоминание столба в русских заговорах, например, в заговоре от лихорадки: “При море Черном стоит столб каменный и все тут стоят четыре Евангелиста: Иоанн Богослов, Лука, Матфей, Марк и Ангелы Христовы, сами зрят на море”²⁰. В связи с упомянутым горением столба интересно выражение, записанное в русских карельских говорах *столбá гаси́ть* – ‘целовать парня’: “А девка выходила *столбá гаси́ть*” (Словарь Карелии 1, 330). Интересно также описание “знакомства” одним из жителей Шарьинского района Костромской области: “Знакомились на вечеринках. Столбики зажигают. Девушки съезжались со всех деревень, здесь они и сватались. Неделю жених ходил к невесте с подарками. Девки на беседы с прялками ходили”²¹. Правда, не пояснено, что такое “столбики зажигают”.

Итак, в рассмотренных фрагментах русского фольклора фигурируют горящий бор, горящий дуб, горящий столб “новоточенный”. Дуб и сосна – священные деревья славян, дуб, кроме того, Перуново дерево. Возгорание их символизирует проявление сильных эмоций, гнева, болезненного состояния, любви, силы страсти мужчины, парня.

Возможно, “возгорание” бора, как и столба “новоточенного” первоначально возникло в сфере свадебной терминологии. Мы, вероятно, убедимся в этом, анализируя фрагменты русского свадебного обряда, в котором фигурируют и сосна и ель. Но прежде рассмотрим словенский обряд *borovo gostüvanje*, описание которого приводит в своей упомянутой нами выше статье Н.И. Толстой. Обряд *borovo gostüvanje* толкуется как ‘свадьба сосны’ или ‘свадебный пир сосны’. Он исполнялся в с. Селе на Горишке в Прекмурье, на границе Словении и Венгрии. Накануне Великого поста молодежь притаскивала срубленное в лесу большое сосновое бревно. До этого *bor* – сосна охранялся ребятами из “своего” села, чтобы чужие не похитили верхушку, тем самым осрамив их. У сосны “родители” и “молодые” (и те, и другие из молодежи и ряженных) разыгрывали “смотрины”, затем “поп” читал проповедь “во имя *bor’a*”. После “проповеди” и “помолвки” сосну срубали и она переходила в собственность ряженных. Её волочили комлем вперед на передних колесах воза, на ней сидели “молодожены”. Затем было “венчание” на сельской площади и “крестины” незаконнорожденного “младенца”, который был сделан из тряпок и завернут в тряпье. Затем с молотка продавалась со-

сновая колода²². Н.И. Толстой отмечает, что исследовательница этого обряда Бреда Влахович считает его пародийной свадьбой, но что корни его не в этом, они “глубже и разносторонней”, поэтому весь ритуал при этом следовало бы рассматривать в сравнительном плане²³.

Интересно, что невеста в русских свадебных обрядах отождествляется с елью, сосной, иногда березой. На девичниках-мальчишниках, сговоре фигурирует *девья краса́та* – срубленная елочка или сосна, украшенная цветами, свечами, на верхушке – куколка, или птичка из теста (иногда соловей).

В Даниловском районе Ярославской области информант отмечает: “Девья краса́та – елочка, с о с е н к а больше всего²⁴. Причем, иногда “красота – березка у невесты, елочка – у жениха и зимой и летом”²⁵. В песнях, исполняемых на девичнике в русском Поволжье, невеста прямо отождествляется с елкой, сосенкой²⁶. Впрочем, и жениху-сироте на мальчишнике пели:

Уж ты елка моя, елочка
И все у елочки веточки,
Только нет у елочки маковички!
Только нет у Сергея батюшки!

(Даниловский р-н Ярославской области)²⁷.

Вот некоторые записи, сделанные в русском Поволжье о праздновании девичника-мальчишника: (Ярославская обл., Пошехонский р-н.): “Девичник был, но не перед самым венцом, а дня за два-три. Красотой была елочка с ленточкой. Ее приносят на девичник. На елочке бывали и свечи; кто их гасит, деньги дает”²⁸; (Костромская обл., Нерехтский р-н): “На елке наверху сидит соловушка из теста, перышками наткан. На елке свечи, как только скажет приговор девушка, жених свечу гасит. и так все”²⁹; (Ярославская обл., Пошехонский р-н): “После богомолья невеста выла. На второй день после сговора (богомолья) вывешивали красоту. От дома невесты переднего угла через дорогу натягивали веревку, а на ней ленты и посредине заплетенная коса, с бантом. Коса из кудели. Красоту прибавляли на передний угол – елочку, украшенную лентами и тоже с косой из кудели. Все это висело до свадьбы, до отправления к венцу”³⁰; (в том же р-не): “Девичник был, собираются девушки. Жених тоже приезжает. Подруги выносят красоту – елочку украшенную. У невесты лента там была, через дорогу натягивали. Если какой парень собирается жениться, ему на крышу тихонько кидают елку”³¹; (Нерехтский р-н Костромской обл.): “До сговора девичник был в четверг. Невеста выходит во двор: “Уж ты елка, наша сосенка”. Она усаживает всех за стол. Потом поют: “Дорогая в доме гостинька”. Когда гости уходят, все прощаются, поют: “Ты прости, прощай голубушка!”. Елку ставят одну на крышу, другую на стол”³². Елка фигурировала и на сговоре (Нерехтский р-н Костромской обл.): “Сговор. Елку ставили вечером. вся родня и невесты и жениха в субботу встречаются. Елку на стол ставили в самоваре или в графине. Нарядят, свечи зажгут...”³³

С песней “Сосну секут, сосну секут” невесту в Нерехтском районе Костромской области (д. Пленино) выводили из дому, чтобы вести к венцу:

Сосну секут, сосну секут
И с корнем волокут.
Сосну секут!
Девку ведут, девку ведут
С высока терема!
Просит она, просит она
Коня бабушкина,
Коня матушкина.
Бабушкин конь
Не ступил, не повез,
Бабушкин конь!
Не ступил, не повез,
Не в рысь побежал!
Сосну секут, сосну секут
И с корнем волокут.
Девку вязут, девку вязут
С высока терема!³⁴.

В Борисоглебском р-не Ярославской области красоту – елку ставили перед отъездом к венцу: “Когда везли к венцу, красоту укрепляли сзади к саням и выкидывали в поле”³⁵, в том же районе информаторы отмечают: “К венцу первыми едут шафера с иконой, потом невеста с подружками и крестной, потом жених. Девушки роняли елку и с ж и г а л и (!)”³⁶.

Интересно также, что в лес за елочкой ходили девушки, которые пели:

Мы за елочкой ходили,
По сапожкам износили,
Мы зеленую ломали,
По перчаткам изорвали.

(Солигаличский и Чухломской р-ны Костромской области)³⁷.

Сжигание “девьей красоты” – елки, и, возможно, сосны (сырого бо-ра!) – символизировало “сожжение девичества”. Интересна следующая приведенная строка из песни (s.v. *пожигать* ‘зажигать’) в Словаре русских народных говоров: “Пожигала девушка сыру сосну” (калуж. – СРНГ 28, 293), возможно это связано с тем же свадебным обрядом. О горении “сырой елочкой” говорится в одной из частушек:

“Я не думала, что елочка
Сырая загорит.
Я не думала, что дрочечка
Со мной заговорит”

(СРНГ 10, 21).

Интересно также упоминание о поджигании косы в песне, поющей-ся после венчания в доме молодого:

Уж ты, друженька – друженька
 Не ходи, дружка, посереде,
 Не секи из кремня огня,
 Не подпаливай, друженька,
 (Елене) трубчату косу,
 (Павловне) русы волосы³⁸.

Сжигание ели (сосны) в обряде русской свадьбы “сожжения девичества” как будто подтверждает первоначальное бытование выражения *сыр-бор горит* в свадебной терминологии, его ритуальное происхождение. Что касается выражения *сырой дуб горит, разгорается* – то здесь еще есть неясности. В русской свадебной обрядности дуб также наличествует, как сосна и ель. У старообрядцев – беспоповцев брачный союз еще в XIX веке совершался так: Парень по договору с девушкой отправлялся вместе с ней к заветному дубу и объезжал его три раза кругом; в Воронежской губернии молодые после венчания в церкви приходили к древнему дубу, пользующемуся уважением, и также трижды объезжали вокруг³⁹.

Дуб фигурирует, в частности, в отрывке из свадебного приговора, записанного на Псковщине в 1912 г.:

Дубу корни обомните,
 Краколечки нагнете,
 Пчелок стряхнете...”

(СРНГ 15, 165 s.v. *краколёчик*).

А вот, также отрывок из свадебной песни, записанной в вологодских городах в 1896 г.:

И подъехал ко синему
 морю... Во зеленый
 луг и тут увидел:
 Стоит крестов дуб

(СРНГ 15, 234 s.v. *крестовый*)

Возможно, что корни *зажигания сырого дуба* – также в свадебной терминологии, но это требует дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. М., 1994. 352–353.
- ² Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнович, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986. 168.
- ³ Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русская фразеология. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1990. 146.
- ⁴ Чобану Ион. Подгоряне / Роман-газета. М., 1987, № 24, 33.
- ⁵ Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981, 132.

- 6 Толстой Н.И. Дополнительные суждения о реконструкции праславянской фразеологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999, 50–51.
- 7 Там же, 53.
- 8 Там же, 61.
- 9 Русские исторические песни: Хрестоматия / Сост. В.И. Игнатов. М., 1985, 160–161.
- 10 Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981, 220.
- 11 Русский фольклор. М., 1986, 218.
- 12 Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985, 67.
- 13 Обрядовая поэзия / Составление, предисловия, примечания, подготовка текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М., 1989, 262.
- 14 Русские исторические песни ..., 96.
- 15 Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. I, М., 1865. 448–449.
- 16 Хлебников В. Стихотворения и поэмы. Л., 1960, 172.
- 17 Афанасьев А. Указ.соч. II, 36.
- 18 Чижикова Л.Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989, 185.
- 19 Обрядовая поэзия..., 593.
- 20 Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В четырех частях / Собр. М. Забылиным. М., 1880 (–1992), 361.
- 21 Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985, 83.
- 22 Толстой Н.И. Указ. соч., 57–58.
- 23 Там же, 59–60.
- 24 Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья, 150.
- 25 Там же.
- 26 Там же, 194
- 27 Там же, 179.
- 28 Там же, 145.
- 29 Там же, 149.
- 30 Там же.
- 31 Там же, 145.
- 32 Там же.
- 33 Там же, 101
- 34 Там же, 224
- 35 Там же, 150.
- 36 Там же, 242.
- 37 Там же, 148.
- 38 Обрядовые песни русской свадьбы Сибири, 222.
- 39 Энциклопедический словарь. Славянская мифология. А – Я / Научные редакторы В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. М., 1995, 171.